

Луань Чэн чувствовал себя таким же «сдувшимся», как и Бай Ю.

Все знают плюсы элитной гимназии: высокие баллы, отличная атмосфера, ресурсы. Но только ученики знают обратную сторону: экзамен каждые пять дней, тест каждые три. Обычно Луань Чэн не унывал — несмотря на слабость в гуманитарных науках, он сохранял спокойствие. Но в этот раз его накрыла тревога.

Хоть он и не хотел признаваться, но то, что Гу Цинхуай услышал его разговор с Цуй Шэнлинем, сильно на него давило. Он-то думал, что раз стал лучше спать, то выкроит время расспросить соседа по паре моментов перед апрельскими тестами, чтобы не скатиться по успеваемости. Но теперь Гу Цинхуай сидел рядом, а Луань Чэн не мог выдать ни слова.

Он не знал, сколько тот услышал и как относится к геям. Но Гу Цинхуай всё утро не проявлял ни малейшего желания заговорить. Бай Ю и Мин Юэ почти не заходили в класс, а если и появлялись, вели себя тихо. Эта неопределенность выбивала из колеи. Утро прошло в терзаниях.

Луань Чэн впервые обнаружил, что способен молчать четыре урока подряд. Чжоу Пэн пару раз оборачивался, видя «стену» между соседями по парте. Он хотел что-то сказать, но сдержался.

Только когда прозвенел звонок, он спросил: — В туалет идешь?

Луань Чэн бросил взгляд на Гу Цинхуая и кивнул. Едва он вышел, вернулись призраки.

Мин Юэ обеспокоенно сказала: — Цинхуай, если ты и дальше будешь игнорировать Луань Чэна в такой момент, он решит, что ты презираешь его из-за того, что он гей.

Бай Ю фыркнул: — А тут и спрашивать нечего. Наверняка уже решил!

Гу Цинхуай снова взял ручку: «И что мне ему сказать? Что мне всё равно? Тогда он решит, что со мной можно сблизиться еще больше».

Мин Юэ понимала, что опасения Гу Цинхуая обоснованы, но всё равно переживала за Луань Чэна.

Чжоу Пэн тоже переживал. Как бы он ни злился, их дружба не была пустым звуком. За столько лет он изучил Луань Чэна вдоль и поперек. Обычно того ничто не могло выбить из седла — он был из тех «солнечных» парней, что переваривают любые проблемы за полдня. Но сейчас Луань Чэн хмурился слишком часто.

— Луань Чэн, скажи честно: ты что-то от меня скрываешь? — спросил Чжоу Пэн по дороге в столовую. — Мне кажется, ты в последнее время сам не свой.

— Просто не высыпаюсь. Помнишь, я говорил про деда во сне? На Цинмин ездил, жег ему бумажные деньги, потом золотые слитки, но не помогло, — отмахнулся Луань Чэн. — Просто недосып, ничего особенного.

— А с Гу Цинхуаем что? Почему вы вдруг перестали разговаривать?

Раньше тот постоянно объяснял ему темы, они много шептались — это и была одна из причин, по которой Чжоу Пэн считал их парой. Ведь Гу Цинхуай почти ни с кем не общался, но к Луань Чэну относился иначе.

— Он... эх, Да Пэн, послушай, у меня с ним правда ничего нет. В тот день вы с Хэ Яном видели в общежитии кое-какие странные вещи, но тому были свои причины. Мы с Гу Цинхуаем просто одноклассники, — Луань Чэн замялся на секунду. — Но в одном ты угадал: я действительно «из этих».

— То есть... — Чжоу Пэн потер подбородок. — Выходит, это Гу Цинхуай пытался тебя затащить в постель?

Шлеп! Луань Чэн со всей силы отвесил другу затрещину по спине.

— Ты можешь хоть каплю серьезности проявить?!

— Ой, брат, полегче! Откуда у тебя столько дури в руках прибавилось? — Чжоу Пэн принялся чесать спину, корчась от боли. — Ну тогда я вообще не вдуплю: что у вас там происходит?

— Да ничего не происходит. Он мой сосед по парте, мы вроде неплохо общались. Но недавно случилось кое-что, из-за чего он, кажется, остался не в восторге. А потом, вчера вечером... в общем, пришел мой бывший, и Гу Цинхуай, скорее всего, услышал наш разговор. Теперь всё жутко неловко. Я понятия не имею, что он об этом думает. Так что ты давай, завязывай со своими шуточками.

— Думаешь, он молчит, потому что его напрягает твоя ориентация?

— Не только это, но если сказать, что это не так — уж слишком всё совпало.

— А мне кажется, не похоже, — принялся анализировать Чжоу Пэн. — Во-первых, по какой бы там причине это ни случилось, именно он первый тебя поцеловал, верно? Во-вторых, к тебе он относится не так, как к остальным. Я же при вас пару раз ляпал всякое — он не то чтобы радовался, но я ни разу не видел у него отвращения. Этого достаточно, чтобы понять: твои догадки хромают. Лучше подумай, не задел ли ты его в чем-то другом.

— Думаешь? — Луань Чэн задумался.

Оставалось только одно — тот случай с тазом. Если честно, всё пошло наперекосяк именно тогда, когда он обнаружил, что Гу Цинхуай подобрал их семейный горшок.

Луань Чэн решил при случае расспросить бабушку, что это за сокровище такое.

В столовой Луань Чэн, как и в старые добрые времена до появления Гу Цинхуая, сел за один стол с Чжоу Пэном. Этот проглот умял две трети его мясных блюд, заявив, что это лучшая компенсация за «душевные травмы лучшего друга»! Компенсация, ага. Как бы у него второй подбородок от такой компенсации не вырос!

Но как бы то ни было, разговор с Чжоу Пэном помог. Луань Чэну стало не так тошно, и на дневных уроках он даже смог немного сосредоточиться. Единственным минусом было то, что после откровений Чжоу Пэн окончательно расслабился и снова начал то и дело оборачиваться к задней парте. Луань Чэн просто пнул его стул так, что тот пошатнулся.

Грохот был приличный. Гу Цинхуай поднял голову, увидел, как Чжоу Пэн скалится на Луань Чэна, слегка нахмурился и снова уткнулся в книгу. Он опять читал что-то на вэньяне (древнекитайском). Луань Чэн случайно заглянул в текст — ни единого иероглифа не понял.

Последним уроком была самоподготовка, которую учитель математики занял под тест. Луань

Чэн был асом в математике: обычно либо он, либо Хэ Ян сдавали работы первыми. Но в этот раз его обошел Гу Цинхуай. Тот расправился с заданиями на сверхзвуковой скорости, сдал листок и вышел из класса. Луань Чэн был вторым.

До конца урока оставалось пятнадцать минут — время свободного посещения. Луань Чэн хотел подождать Чжоу Пэна, но увидев, что Гу Цинхуай идет в сторону столовой, снова вспомнил про медный таз. Как раз телефон был при нем, так что он нашел укромный уголок и позвонил бабушке.

— Сяо Чэн? — Старушка обрадовалась звонку внука в учебное время. — Что это ты решил бабушке позвонить?

— Бабуль, у меня вопрос. Тот медный таз, в котором ты велела мне жечь бумажные слитки для деда... откуда он взялся?

— С чего вдруг такие вопросы?

— Я нашел его. — Он хотел сказать, что таз у одноклассника, но вовремя сообразил, что находка горшка посреди ночи звучит слишком странно. — Но он какой-то странный. Ты знала, что он светится?

— Светится? Как именно? Узоры со зверями загорелись?

— Да! Дракон и Феникс засветились! — Луань Чэн переживал, поверит ли бабушка, а тут такое. — Бабуль, ну не странно ли?

— Что тут странного, дурень! И ты еще врешь, что ни с кем не встречаешься! Это же «Таз Суженых»! Только предначертанная небом пара может заставить Дракона и Феникса сиять вместе!

— А?! — У Луань Чэна челюсть чуть не отвалилась. — Быть не может, бабуль!

— Как это не может? Говорю тебе: таз береги, и ту девочку, как будет случай, обязательно привези бабушке показать, понял?!

Луань Чэн: — ...

Но это была совсем не «девочка»!

Он смотрел на Гу Цинхуая, который, сложив зонт, заходил в столовую, и не знал, что и думать. Неужели Гу Цинхуай тоже знает про секрет Дракона и Феникса, и потому ведет себя так странно? А тут еще Цуй Шэнлинь приперся, Гу Цинхуай узнал про его ориентацию, и в итоге... Ого. Кажется, он нащупал истину.

Но с другой стороны — насколько точен этот таз? Звучит как какая-то дикая мистика.

На вечерней самоподготовке Луань Чэн несколько раз порывался спросить в лоб, но каждый раз слова застревали в горле. Вопрос был слишком интимным.

К тому же он подумал: вдруг Гу Цинхуай отдалился именно потому, что не хочет следовать «предсказанию» таза? Вполне объяснимо. Они знакомы без году неделя, и хоть у них много общего, Гу Цинхуай, скорее всего, не гей от природы, в отличие от него. Вполне логично, что он хочет избежать подобного развития событий.

Луань Чэн сам себе всё объяснил и немного успокоился. Вот только теперь он не знал, как первым заговорить с Гу Цинхуаем.

После уроков он не пошел вместе с соседом, как обычно. Гу Цинхуай его тоже не звал. Мин Юэ замедлил полет, явно желая составить Луань Чэну компанию, но Гу Цинхуай остановил его одним взглядом.

Луань Чэну стало тоскливо, и он решил зайти в супермаркет — купил фонарик и батарейки на всякий случай. Магазин находился недалеко от учительского дома и школы, образуя своего рода треугольник. Когда он вышел с покупками, у школьных ворот еще толпились родители, встречающие детей.

Он закинул рюкзак на плечо, привычно коснулся ключей в кармане и почувствовал, как персиковый меч начал мелко вибрировать. Луань Чэн замер на мгновение и тут же бросился бежать!

С тех пор как они случайно поцеловались с Гу Цинхуаем, его талисман перестал реагировать на Бай Ю и Мин Юэ. Другие духи должны были подойти совсем близко, чтобы меч подал сигнал. Это был первый раз после кладбища, когда амулет сработал так резко!

Кто это? Стоило Луань Чэну добежать до главных ворот, как черная тень рухнула прямо перед ним, преграждая путь!

<http://bllate.org/book/16943/1573511>